

«Где теперь крикуны и печальники?

Отшумели и сгнули смолоду,

А молчальники вышли в начальники,

Потому что молчание – золото».

Так пел Александр Галич о своей, совсем не пушкинской, эпохе, но к Пушкину применима и эта мысль, и эта цитата. Какое же место в современном Петербурге заслужил себе своим поэтическим голосом, своим немолчанием, своей громкой судьбой Александр Сергеевич?

Наверно, каждый турист, пришедший к собранию искусства Русского музея, проходя по Площади Искусств, запомнил знаменитый памятник Пушкину, поставленный здесь ещё в середине 1950-х и с тех пор растиражированный в книгах и открытках со знаменитыми видами Петербурга. Замечательный и, наверно, самый известный из петербургских памятников поэту, самыми преданными поклонниками которого, по моим наблюдениям, являются стаи птиц, любящих побыть с Поэтом в дождливые хмурые дни. Некоторые из них «как ныне взбираются» на голову Александра Сергеевича. «Народная тропа» к этому памятнику не заросла.

Другой известный памятник поэту, не столь парадный, но как-то более домашний и задушевный, стоит во дворике знаменитого дома на Мойке, 12, в одной из квартир которого жил последние годы Пушкин и куда он был привезён с последней дуэли. Теперь в этом доме его музей-квартира. Удивительно, что жил Александр Сергеевич последние годы в доме, от которого до Дворцовой площади и Зимнего дворца только мостик через Мойку да несколько десятков метров, считай, шагов. Возможно, Наталья Николаевна (Гончарова) была безмерно рада такой приближённости к императору, но вот Пушкин - вряд ли. Впрочем, все эти биографические тонкости я оставлю пушкинистам и биографам «Солнца русской поэзии», которые профессионально и с удовольствием покопаются в чужой и прошлой, прошедшей жизни.

Один из лучших памятников Пушкину находится в скверике на Пушкинской улице, недалеко от Невского проспекта, площади Восстания и Московского вокзала. Задумчивый и сосредоточенный, несколько напряжённый и погружённый в себя, но одновременно несокрушимо спокойный Пушкин стоит здесь на высоком постаменте. Мне особенно ценен этот памятник своей не парадностью, не официозностью, не пошлостью, не пафосностью, своей наполненностью смыслом и настоящестью. Видимо, ценен и любим он многими – в скверике любят собираться разного рода люди, в том числе и податые недовольные тобой и твоим присутствием на земле и в этом городе ребята с пивом (или в поисках пива). Впрочем, ребятки эти вообще недовольны всеми, кто оказывается (зачем-то) в этом же скверике. Да ещё и без пива! Близость к Пушкину они вряд ли ощущают. Да и не выпивает с ними, злодей.

Самый потерянный Пушкин (в смысле, Пушкин с самым потерянным видом) стоит в виде бюста у

здания Института Мировой Литературы РАН (Пушкинского Дома) на набережной Макарова недалеко от стрелки Васильевского острова. Там Александр Сергеевич отрешён и выглядит таким античным изваянием. Скромный памятник, сдержанный по материалу, цвету, изобразительному богатству.

Удивительной для меня была встреча с памятной доской Пушкину в Арт-центре «Пушкинская, 10», знаменитом месте для любого любителя русского рока (здесь записывали альбомы и репетировали «Аквариум», «ДДТ», Вячеслав Бутусов), да и вообще для любителей современного авангардного и нонконформистского искусства. Конечно, совсем не современным искусством была исписана стена возле этого пушкинского памятника, а настенной живописью и надписями вроде «здесь был Вася», который был, есть и будет.

Вспоминается также памятник Пушкину на платформе станции метро «Чёрная речка». Конечно, каждый помнит со школы, чем Чёрная речка печально знаменита. А теперь это черта города. Город надвигается на прошлое и поглощает память.

На днях прочитал в местной петербургской газете результаты исследования, показавшего, что и сейчас среди классиков молодёжь града Петрова больше всего ценит Достоевского, Булгакова и Пушкина, хотя её пристрастия в современной литературе часто убоги (Донцова, к примеру).

А ещё совсем недавно я был на Девятом петербургском книжном салоне. В Михайловском манеже шла торговля книгами: удивительное разнообразие, хорошая организация. Подошёл я к стенду издательства журнала «Звезда» - серьёзные умные книжки, да только всё шатко: не знаешь, кого из авторов выбрать, чтоб не прогадать. А тут среди других книг заметил я скромную «Даниил Гранин. Два лика» с портретом Пушкина на обложке. И хотя лично мне Пушкина для «нашего всего» мало, он всё равно остаётся тем всеобъемлющим, чем меряли себя и свои судьбы лучшие люди России в течение двух веков. Каждый человек, в том числе писатель, привязан к своему времени и эпохе. Уходит эпоха – уходит писатель. Часто, увы, бывает так. А Пушкин не уходит. Пушкин остаётся. И в Петербурге, и в каждом из нас.

